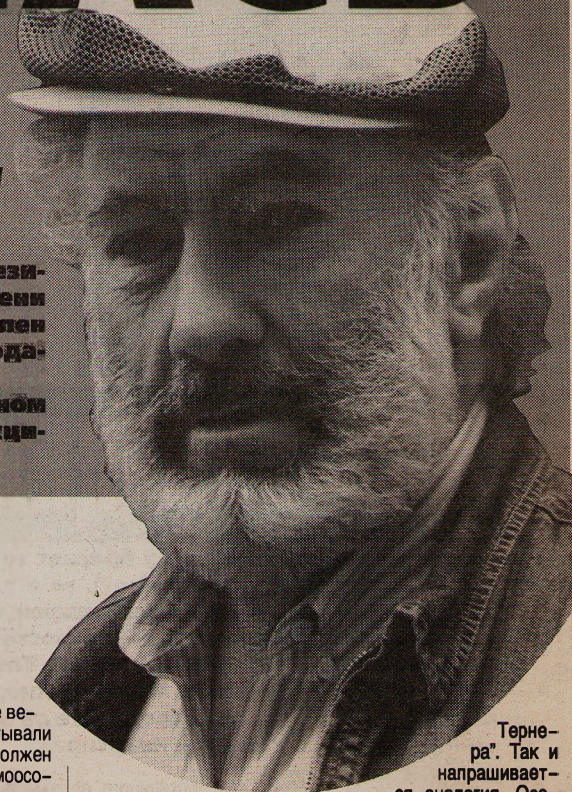

Олег САВОСТЮК:

РОЗА ЯВВИЛАСЬ

КО МНЕ ТАЙНО...

У него столько титулов и званий, что всех не перечислишь: народный художник России, почетный президент АИАР (ЮНЕСКО), профессор Московского государственного художественного института имени В.И. Сурикова, академик, действительный член Академии российского искусства, действительный член Академии гуманитарных наук, заслуженный деятель культуры Польши, член Общественного наблюдательного совета по возрождению Храма Христа Спасителя... Произведения Олега САВОСТЮКА хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Музее современного искусства в Варшаве, испанском музее "Прадо", в частных коллекциях США, Франции, Италии, Великобритании, Испании, Германии...

Тернера". Так и напрашивается аналогия. Особо

Из окон его мастерской, что на седьмом этаже в доме на улице Вавилова, отлично просматриваются прямые как стрела улицы любимого художником Юго-Запада столицы. Коренной москвич, Савостюк знает здесь каждый уголок, любит иной раз отправиться с этюдником в Тропарево или просто посидеть на лавочке где-нибудь на Ленинском проспекте.

Сейчас в Театре имени Гоголя развернута персональная выставка Савостюка – больше сорока живописных работ представлено на ней. А в мастерской уже натянута холст, и художник думает над новой картиной.

– Олег Михайлович, судя по всему, жизнь удалась? – В общем – то жизнь моя все время шла как бы по восходящей, все получалось. Но с годами стал понимать: внешние атрибуты – как бы гляцевая суперобложка всего моего существования.

– Что-то не так, что-то покоя не дает?

– Ну, покой нам только снится. Просто не так уж гладко и славно жизнь моя складывалась.

– Загадками говорите, Олег Михайлович.

– Какие там загадки! Вот мы с вами знакомы, страшно сказать, где-то с 70-х годов, так ведь?

– Да вроде бы!

– А известно ли вам, что все годы учебы в Суриковском институте я дрожал как осиновый лист? До сих пор понятия не имею, как там не узнали, что мой отец – военный инженер – был осужден и 15 лет сидел в тюрьме! Инкриминировали ему переписку с родным братом, который тогда жил в Чехословакии. Утверждали, что дядя – мой белогвардейцем был. Потом отца реабилитировали, но чего стоили эти годы моей маме, мне! Правда, отец стал заведовать кафедрой в Менделеевке, даже учебник написал. А Демичев, помните такого политического деятеля, захотел стать соавтором, в те годы так принято было. Отец ни в какую, в суд на Демичева подал. Мы дело проиграли, естественно.

– Учебник – то вышел?

– Конечно, нет.

– Понимаю, вам тяжело вспоминать обо всем этом.

– Ком в горле, вы правы. Но растет мой сын, Михаил, названный в честь деда, так что жизнь продолжается.

– Уж коль скоро вы о сыне сказали, если можно, о семье подробнее.

– Семья... Жена Инга работала в полиграфии. Михаил по моим стопам пошел, художник, храмы расписывает. Его супруга Маша тоже неплохо рисует. Подарили они нам трех внуков – Аришу, Лизу, Оленку. Теперь еще и сына хотят.

У дочки Маши – она танцевала в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко – растет Полинка, я ее космонавтиком называю. Очень славный человечек.

– Вы назвали год нашего знакомства, а я вспомнила 1979-й – год VII летней Спартакиады СССР. Турнир мужских волейбольных команд только-только начинался, шли предварительные бои. Зрителей во Дворце спорта было немного – любители фехтования ждали финальных поединков. Вы же сидели на трибуне...

– Я в то время был членом Национального олимпийского комитета. Меня радовала эта звенящая тишина в зале. Я приходил рано-рано, усаживался на трибуну, вынимал альбом и рисовал. Мое внимание к фехтованию приковал заслуженный тренер страны Лев Сайчук, с которым мы когда-то вместе учились рисовать в изостудии. Из тех эскизов родилась картина "Рапиристка".

– Но ваше обращение к спортивной теме, наверно, не было случайным?

– Конечно же. Детство мое прошло в Москве, я учился в школе № 349. Вот что интересно: все учителя, независимо от того, какой предмет они вели, были любители спорта. И передавали эту любовь нам. Вспоминаю уроки Валентины Павловны Савицкой. Как рассказывала она о культуре русского народа, о традициях в литературе и искусстве! И еще о том, что человек, чтобы чего-то добиться, должен быть здоровым. Нравственно и физически.

– И вы стали активно укреплять свое здоровье?

– На него я вообще-то не жаловался, но стал заниматься легкой атлетикой, даже чемпионом был на дистанции 200 м на школьных всевозможных соревнованиях.

– Но вы ведь в теннис играли?

– И это было. Весной 1941 года меня приняли в теннисную секцию "Спартака". Произошло это так. На стадионе "Красное знамя" толпились сотни ребятшек. Я, 14-летний мальчишка, старательно отработывал удары у стенки. Вдруг услышал: "Кто этот мальчик?"

Обернулся и увидел Николая Николаевича Озерова, разговаривающего с нашим тренером Зденеком Зигмундом. "Да вот думаю, принимать ли Олега в секцию или нет". Конечно, надо принять, – улыбнулся Озеров. – Я видел, он здорово играет".

После этих слов я никак не мог по мячу попать. А в секцию меня приняли. Получил членский билет –

похвала для молодого художника. И я писал Карелию, писал людей, оказавшихся там. Писал честно, потому и ко мне так же там относились. Писатель Андреев не раз говорил: "Искусство – это почти как религия". Искусство должно продлевать человеку жизнь, не фальшивить, создавать определенную ауру.

– Вам это удается?

– Во всяком случае – стараюсь. Я вот думаю: все великие художники не просто рисовали, они испытывали обратную связь. В искусстве обязательно должно быть рикошет, иначе все превращается в самоощущение, которая неминуемо приведет к изоляции. От мира, от всего, что делает искусство жизненным. Это и моя позиция.

– Мне кажется, у вас всегда и во всем была достаточно твердая позиция.

– Точнее так сказать: я менялся, менялись какие-то точки зрения, какие-то нюансы. А позиция оставалась. И если обратиться к моему творчеству – по форме оно разное, но суть одна. Я всегда стремился и стремлюсь погрузиться во внутрен-

"ЧАЙКИ"

"НЕБЫТИЕ" (Лэм)

ний мир своего героя, почувствовать его. Не уверен, что всегда задуманное получалось, но вот портреты маршала Константина Рокоссовского, митрополита Кирилла, пианиста Николая Петрова, художника и моего учителя Михаила Черемных, мне думается, сделаны так, что мне за эти работы не стыдно.

– Что, бывало стыдно за свои работы? Или шли на сделку с совестью – время-то было непростое, да и должности у вас, прямо скажем, такие, что отступить было легко...

– А вот и не отступился. Звания свои старался на пользу другим использовать. Был у меня большой друг, удивительно тонкий художник, тоже, кстати, мастер спорта, Ярослав Титов. Человек с нежной душой, открытым сердцем, в которое, увы, частенько плевали, извините за грубое слово. Ярослава Викторовича уже нет с нами, я что его память и казнь: "Вот если бы мне удалось раньше пробить ему звание заслуженного художника России, которое он давным-давно заслужил и ждал, может, продержался бы мой друг на нашей грешной земле чуть дольше".

– Вы вдыхали живой аромат искусства Серебряного века, с головой окунулись в метания Бронзового века, совпавшего с жесткой советской эпохой...

– Теперь вот вступил в XXI век, который почему-то тревожно нарекли Урановым веком русского искусства. Я не унываю. Когда становится совсем скверно, отправляюсь в собственный "Красный дом" под Каширой. Как там вольно дышится! Пение птиц, веселые голоса детишек, беготня собак, ни с чем не сравнимый среднерусский простор – все это врачует душу, дарит вдохновение, спокойствие... И мне так хорошо пишется там!

– Писатель и теоретик искусства Джон Рескин как-то сказал о своем великом соотечественнике: "Закаты в Англии стали прекраснее после картин

бенно после знакомства с серией, которую вы условно назвали "Олег и Роза". Раньше вы отдавали предпочтение полевым цветам, столь красиво освещенным закатным солнцем.

– Роза явилась ко мне тайно, как откровение, как кристаллизация моих живописных образов и фантазий. Для меня Роза – это божество, дитя Флоры и Венеры. Вспомните восточную легенду о соловье, который влюбился в белую розу и, приблизившись к ней, хотел спеть самую красивую песню. Но... укололся острым шипом, он попал соловьем прямо в сердце, кровь окропила белую розу. Так появились красные розы... И Роза может быть подарком судьбы.

– У каждого художника есть любимые цвета. У вас, наверно, тоже?

– Естественно. Это синий со всеми оттенками – от темного до светло-голубого, серебристо-лиловый и розовый.

– Именно эти цвета вы выбрали для своих парижских картин.

– Мне повезло много работать там. Париж я начал рисовать с детства – по воображению, по какому-то наитию. Идешь по Елисейским полям и думаешь: "А ведь на этой скамейке мог сидеть мой любимый писатель Иван Бунин. А с этого моста писал Сену Моне, по этим плитам ходил Мольер..."

– Нет, нет, я очень счастливый человек, – говорит в заключение нашей беседы Олег Михайлович Савостюк. – Мне довелось работать с Пикассо – видел, как рождалась его

знаменитая "Голубка", с Гуттузо, другими выдающимися мастерами изобразительного искусства. И это незабываемо.

...В родном городе, на Юго-Западе, на Ленинском проспекте, 99 у художника существует Мастер-класс. Хочет он учить ребят не только рисованию – нравственности, духовности. Хочет позвать молодежь и рассказать о культуре общения – с женщиной, например. Да и о многом-многом другом, что волнует самого Савостюка и, как он полагает, может заинтересовать молодое поколение. Очень верит в это художник.

Беседу велa Светлана ПАЛЬМОВА

Фото из архива Олега Савостюка

Читателям
модной газеты
"За Калужской
заставой".
С любовью,
Здоровья,
и счастья
Олег Савостюк